

— Можно мне испить твоей крови?

Дева-змея всё сильнее покрывалась чешуёй, мелкие зелёные пластинки наползали на её лицо, почти полностью скрывая человеческие черты. От нестерпимого голода её раздвоенный язык судорожно трепетал, издавая мерзкое шипение. Она попыталась раскрыть рот пошире — и вдруг с глухим сухим щелчком её челюсть неестественно отвисла, будто вылетев из суставов.

Кожа в углах губ лопнула. Пасть распахнулась так чудовищно широко, словно тварь изготовилась заживо проглотить человека.

Обычного смертного это зрелище привело бы в неопиcуемый ужас. Су Цзюгуй, облечённый сейчас в даосские одежды, понимал разумом: её необходимо убить.

Если эта дева и есть Змея кошмаров, один точный удар оборвёт этот затянувшийся морок.

Пальцы Су Цзюгуя сжали рукоять клинка. Демоны остро чувт человеческую жажду убийства — чужой гнев лишь подстёгивает их кровь, заставляя перерождаться в чудовищ ещё стремительнее.

Дева-змея заметила его мимолётное движение, но ничуть не удивилась. К людской злобе ей было не привыкать. Больные частенько приходили к ней за исцелением. Излечившись от сердечных недугов, они поначалу рассыпались в благодарностях, но стоило им мельком увидеть её истинный облик, как их лица искажал ужас.

Они с криками бросались прочь, а после разносили по округе грязные слухи, будто в этом доме пригрели змеиное отродье, пожирающее плоть и пьющее людскую кровь.

Она ждала, что даос поступит так же. Су Цзюгуй молча буравил её взглядом, словно выгадывая идеальный миг для удара.

Но пальцы, сжимавшие рукоять, вдруг расслабились.

— Хорошо, — тихо произнёс он.

Дева-змея застыла с вывихнутой челюстью, не веря собственным ушам.

— Можешь испить моей крови, — повторил Су Цзюгуй.

Голос его звучал столь ровно и обыденно, будто перед ним сидел не жуткий монстр, а самая обычная девчушка.

В этом странном унылом доме стояли всего два стула. На одном из них устроился Су Цзюгуй, стягивая полосой ткани свежий порез на ладони.

Чтобы напоить деву-змею, ему пришлось полоснуть себя ножом по руке.

Змее кошмаров крупно повезло, что сейчас Су Цзюгуй пребывал в человеческом облике, а не лисьем. Для демонов кровь сородичей бесполезна, лишь человеческая сладка, точно нектар.

И как Чжубай когда-то не поднял руку на десятилетнего Су Цзюгуя, так и сам он теперь не мог осквернить оружие кровью беззащитной девицы.

Дева-змея бережно слизала с донышка последнюю алую каплю, причмокнула и облизала губы, сверкнув острыми, почти милыми клыками.

— Спасибо, — прошептала она, смущённо потупив взор. Насытившись, она вновь походила на обычного подростка.

В её годы девчонки часто робеют. Сжимая пальцами пустую пиалу, она тихо добавила:

— Кроме сестрицы, меня никто никогда не кормил.

Су Цзюгуй лишь негромко отозвался. Дева-змея казалась совершенно безобидной. Глядя на неё, трудно было представить, как это кроткое создание со временем превратилось в Змею кошмаров.

Он окинул взглядом комнату. Всё убранство здесь было парным: две одинаковые кровати, два одинаковых стула... Ни единая вещь не стояла в одиночестве.

Ещё при входе усадьба показалась ему на редкость причудливой, а теперь, присмотревшись, он заметил у самой ограды разложенные для просушки целебные травы.

Зацепившись за её слова, Су Цзюгуй спросил:

— Твоя сестра?

Дева кивнула:

— Да. Она целительница.

«Значит, лекарка. Обычный человек. Но зачем смертной держать в собственном доме демона?»

— Я больше всех на свете люблю сестрицу, — пробормотала дева-змея и мечтательно улыбнулась.

Она обхватила колени руками и уткнулась в них подбородком. Говорила она о сестре с такой нежной преданностью, словно речь шла о возлюбленной.

— Только её уже очень давно нет...

Су Цзюгуй едва заметно повёл бровью. То ли он сам предавался праздным мыслям, то ли недавнее присутствие Чжубая оставило свой след, но в привязанности змеи к её названной сестре ему почудилось нечто большее, чем просто родственные чувства.

— Мы ведь встретились в бродячем балагане, — продолжила дева. — Знаешь, как там всё устроено? Бросаешь в чашу у входа пять медных монет и можешь целый час глазеть на диковины.

Подобные развлечения в средних городах встречались повсеместно. Праздная чернь жаждала дешёвых зрелищ. Встретить истинного, могущественного демона простолюдинам не светило — да они и померли бы со страху, — зато поглазеть на мелкую нечисть дураков всегда хватало.

Обычно балаганщики раскидывали огромный шатёр и зазывали зевак обещаниями показать «прекрасную деву-змею» или «колдовство, превращающее камни в золото». И народ валил гурьбой.

Управляться с таким делом было проще простого: хозяевам даже не приходилось нанимать зазывал или караульных. У входа водружали каменное изваяние китайского льва. Стоило подойти поближе, как каменная пасть со скрежетом распахивалась, ожидая платы. Пять медяков падали внутрь — и проход открывался. Покупатель получал право ровно час бродить среди диковинок.

В тот день Хо Цин возвращалась с гор с охапкой собранных трав. Путь её пролегал мимо шатра бродячего театра, и какая-то неведомая сила заставила её свернуть с дороги и заглянуть внутрь.

Внутри царил полумрак. Балаганщики нарочно забили все окна досками ради нагнетания жути, так что даже в полдень безраздельную власть здесь делили тьма и чадающие свечи.

Посетителей почти не было: лишь семейная пара с маленькой дочкой да молодая целительница с плетёным коробом за спиной.

Шатёр разгораживали глухие перегородки, создавая извилистый лабиринт — хозяин заведения

явно стремился поразить гостей частой сменой видов. Прохаживаясь вдоль клетушек, можно было наткнуться на человека-рыбу, тоскливо плещущего хвостом в лохани, на запертого в железной клетке тигра, лениво терзающего кролика, и даже на болотного слона, пускающего носом радужные пузыри.

Зверь высоко задирает хобот, выдувая огромный, сияющий шар, и девчушка в восторге хлопала в ладоши.

Но стоило ей сделать шаг к соседней загородке и заглянуть за занавес, как она испуганно разревелась. Родители, поспешно утешая её, увели плачущую кроху обратно — смотреть на весёлого слона.

Движимая любопытством, Хо Цин задержалась у входа в ту самую клетушку. На фоне тяжёлого чёрного бархата стояла большая ваза из расписного фарфора, из горлышка которой торчала голова юной девушки.

Волосы её были растрёпаны, а лицо перекошено гримасой: она широко разевала рот, сиюсь показать острые клыки и напугать гостью.

— А-а-аргх! — зарычала змейка, скалясь из своего укрытия.

Но целительница почему-то лишь тихо рассмеялась.

Дева-змея так и застыла с разинутой пастью и оскаленными зубами. Смех Хо Цин начисто сбил её с толку, заставив глупо замереть на месте.

Она принялась во все глаза разглядывать нежданную гостью. Хо Цин была одета в простое нежно-голубое платье, поверх которого накинута тёмный дорожный плащ. Из короба за её спиной шёл тонкий, горьковато-сладкий аромат свежесобранных трав.

В этой грязной, душной палатке она казалась невероятно чуждой, чистой.

Дева-змея повидала на своём веку немало демонов и знала: смазливая мордашка мало чего стоит. Целительница не отличалась ослепительной, неземной красотой, но в её осанке, в лёгком развороте плеч сквозила удивительная умиротворённость. Она стояла у входа, точь-в-точь прибрежная ива под мягким весенним солнцем — свободная, готовая в любой миг закружиться в танце с тёплым ветром.

Змейка медленно закрыла рот и озадаченно спросила:

— Чего ты смеёшься?

Опершись о косяк, Хо Цин любопытствовала в ответ:

— Надо же, ты умеешь говорить?

Обычно для подобных зрелищ ловили совсем слабую, едва перешагнувшую порог очеловечивания нечисть — большинство из этих тварей не могли связать и двух слов.

— Конечно умею! Я много чего умею, — фыркнула дева-змея.

Она подалась вперёд, высовываясь из фарфорового горлышка. Ниже человеческой шеи у неё не было плеч — лишь чешуйчатое змеиное тело. Сделала она это намеренно, надеясь проучить дерзкую гостью, что посмела над ней насмехаться.

Человеческая голова на длинном гадючьем хвосте — зрелище омерзительное и способное свести с ума любого смертного, ведь страх перед змеями у людей в крови.

Но целительница даже не вздрогнула.

— Почему ты не боишься? — Дева-змея растерянно замерла.

— Я лекарь, — просто ответила та. — И частенько использую змеиный яд и кожу для снадобий.

«Для снадобий?!»

Змейка испуганно сжалась и пулей скользнула обратно в вазу, оставив на виду лишь испуганные, поблёскивающие влагой глаза.

Она и не подозревала, сколь нелепо выглядит со стороны. Ваза была с широким горлом, и дева ушла под воду лишь наполовину; растрёпанные волосы зацепились за края фарфора и распушились в разные стороны. Словно кто-то небрежно воткнул в сосуд охапку пыльной дикой травы, посреди которой испуганным цветком алело девичье личико.

Хо Цин снова негромко рассмеялась:

— А ты довольно милая.

«Милая?!» Щёки змейки вспыхнули пунцовым румянцем. В груди её сладко защемило, точно туда залетела горячая искра. Смутившись до глубины души, она сползла ещё ниже, пока полностью не скрылась в фарфоровом нутре.

Поняв, что не на шутку смутила бедную нечисть, Хо Цин решила больше её не изводить.

— Ну, мне пора, — мягко произнесла она и повернулась к выходу.

Она полагала, что напугала глупую змейку до смерти, но из вазы вдруг донёлся приглушённый, робкий голосок:

— Как... как тебя зовут?

Хо Цин помедлила. Подумав мгновение, она почему-то решила не таиться от лесного духа:

— Хо Цин.

«Хо Цин...» — мысленно примерила имя на язык дева-змея, словно пробуя на вкус диковинную сласть.

— Могу я отыскать тебя? — спросила она.

Хо Цин лишь улыбнулась наивности глупенькой змейки и небрежно бросила:

— Отыщи сначала, а там посмотрим.

Она обронила это без всякой задней мысли, не подозревая, что та действительно разыщет её. Вот только свидание их состоится в мире грёз.

Сны Хо Цин поначалу казались деве-змее невыносимо скучными. Лекарка почти никогда не видела ярких сновидений, и змейке стоило огромных трудов проскользнуть в её спящий разум.

В первые разы её встречала лишь давящая серая скука. Разум Хо Цин до краёв заполняли бесчисленные рецепты и трактаты; она походила на заправского книжного червя, который даже во сне грезит лишь сухими строками медицинских свитков.

Но продвинувшись глубже, в потаённые чертоги её памяти, змейка увидела смерть.

Множество мертвецов.

Вот на ложе, задыхаясь, испускает дух дряхлый старик. Хо Цин испробовала все известные ей снадобья, металась у его постели, но тщетно — и в конце концов высохшая рука старца безвольно соскользнула с края одеяла.

Хо Цин молча, с каменным лицом, вернула остывающую руку на постель и замерла, не зная, что предпринять дальше.

Когда лекарь бессилен помочь, ему остаётся лишь послать за устроителями похорон.

Именно тогда Хо Цин впервые познала леденящий душу ужас собственного бессилия.

С тех пор подобные трагедии повторялись всё чаще. Она никогда не плакала — лишь с немым, тупым оцепенением смотрела, как в её лечебнице один за другим угасают люди.

Она выстроила в своём разуме крошечную квадратную усадьбу — тесную скорлупку, способную укрыть её от жестокого мира. Даже ворота там были столь низкими, что всякому входящему приходилось сгибаться в три погибели.

Целители ближе всех стоят на границе жизни и смерти. И каждый раз, переступая этот порог, Хо Цин склоняла голову, словно отдавая немую дань безжалостному небу.

Дни её протекали в глухом однообразии между лечебницей и уединённым двором. Жизнь её походила на тихую воду на дне заброшенного колодца. Она сама заперла себя в этой клетке.

И её визит в весёлый балаган был чистой случайностью.

Дева-змея робела, думая, что лекарка разгневается из-за вторжения в её сны, но Хо Цин отнеслась к этому на удивление спокойно. Наверное, она впервые осознала, что живые души могут находить друг друга столь необычным образом, и что все земные заботы — слава, богатство и чины — не более чем пустой призрачный дым.

Мир сновидений жил по своим законам.

И Хо Цин искренне радовалась, когда лесная гостья заглядывала в её грёзы.

Со временем змейка научилась принимать человеческий облик. Работа в балагане её больше не заботила: она то и дело сбегала со службы, проводя целые дни в скромной усадьбе Хо Цин. Она заворожённо наблюдала, как та врачует больных, и с радостью помогала ей собирать в лесу корни.

Целительница частенько журила её за праздность и пренебрежение долгом, и тогда змейка притащила свой тренировочный фарфоровый кувшин прямо к ней во двор, чтобы развлекать названую сестру новыми причудливыми трюками.

С тех пор как змейка поселилась в лечебнице, Хо Цин наотрез отказалась использовать змей для приготовления своих снадобий.

Как-то раз к ним пришёл больной — измождённый, высохший юноша. Его возлюбленную выдали за другого, и Хо Цин лишь сочувственно покачала головой:

— Твоя хворь — в самом сердце. От безответной любви лекарств нет.

Дева-змея, сидевшая неподалёку, вдруг вмешалась:

— А я могу исцелить его.

Несчастный уставился на неё с безумной надеждой в глазах. Любовная тоска совсем лишила его рассудка, он уже не раз пытался свести счёты с жизнью, бросившись в реку.

— Не глупи, — строго осадил её Хо Цин.

— И вовсе я не глуплю! — огрызнулась змейка, сердито обнажив клыки. — Я правда умею лечить такие раны.

Юношу оставили на ночь в обители. Опасаясь, что змеиное отродье натворит бед, Хо Цин решила не смыкать глаз и караулить гостя.

Когда больной забылся беспокойным сном, змейка опустилась у его изголовья. Она мягко прижала ладонь к его лбу, и от её руки разлилось слабое, тёплое свечение.

Никто не знал, какое чудо она сотворила той ночью в чертогах его разума, но наутро юноша проснулся совершенно иным человеком. На его щёки вернулся здоровый румянец, а когда через пару седмиц он пришёл отблагодарить спасительницу, его было не узнать — он заметно раздобрел и так и лучился счастьем.

Хо Цин почти не слушала его восторженных речей. Все её мысли занимал образ девы-змеи, склонившейся над больным. В те мгновения в ней не осталось и следа от привычного ребячества и глупости. Она была предельно сосредоточенной и тихой — точь-в-точь настоящий, умудрённый опытом врачеватель.

Она бережно коснулась израненной, измученной души и подарила ей покой.

Слухи о чудесной целительнице разлетелись мгновенно. Отныне и знатные вельможи, и нищие чернорабочие, обуреваемые душевными терзаниями, спешили в их скромную лечебницу.

Самой змейке спасение смертных даром было не нужно. Эти неблагодарные твари, стоило им краем глаза заметить её змеиный хвост, удирали, едва не теряя рассудок от ужаса, а после за глаза называли её людоедкой. Она люто презирала людей.

Но чем больше жизней она спасала, тем светлее становилась улыбка Хо Цин.

А ведь та улыбалась так редко.

Всё складывалось как нельзя лучше... Пока в Город между Облаками не хлынули полчища демонов и на улицах не показалась Армия Таинственных Символов.

С резким сухим треском пиала в руках девы-змеи раскололась надвое — она слишком сильно сжала пальцы. Девчушка жалобно уставилась на Су Цзюгуя, в её глазах стояли слёзы:

— Прости...

Этот треск заставил разум Су Цзюгуя содрогнуться, разрывая пелену наваждения. Рассказ змейки усыплял бдительность, утягивая его на дно чужого сна.

Каким-то неведомым образом он сопереживал её воспоминаниям так глубоко, словно сам прожил ту жизнь. Он воочию зрел их первую встречу в полумраке балагана, их безмолвные свидания в сонных чертогах и то, как рука об руку они даровали спасение измученным душам.

Но змейка выжила лишь потому, что Хо Цин изо дня в день поила её собственной кровью.

Тонкие запястья целительницы никогда не заживали, от её одежд вечно исходил едва уловимый медный запах.

Демоны испокон веков питались человеческой плотью и кровью, и никакой, даже самый кроткий и невинный облик не мог изменить этой кровожадной сути.

Когда воины Армии Таинственных Символов заполнили город, улицы наводнили стоны раненых. Хо Цин засобиравшись в путь, строго-настрого велел змейке дожидаться её дома.

— Она заклинала меня никого не убивать, — дева-змея тоскливо взглянула на черепки разбитой пиалы. — И я послушалась. Я правда вела себя тихо.

Она действительно оказалась на редкость послушной. Даже изнывая от безумного голода, она не тронула Су Цзюгуя, а получив пиалу его крови, не посмела просить добавки.

Су Цзюгуй хотел было пообещать: «Я найду её для тебя», но губы его не разомкнулись. Тело сковала свинцовая слабость, а мысли путались, точно его опоили сильным дурманом.

Вдруг раздался оглушительный грохот!

Кто-то с силой пинал хлипкую дверь. Из-за её убогого размера незваные гости не стали церемониться и попросту разнесли стену.

Часть кирпичной кладки с грохотом обвалилась внутрь двора, похоронив под обломками стройные ряды фарфоровых ваз.

Воины Армии Таинственных Символов выросли на пороге, заслоня собой небо, подобные нерушимым скалам.

— Взять её, — скомандовал предводитель.

— За что?! — вскрикнула змейка. — Нет! Я никуда не пойду! Мне нужно дождаться сестрицу!

— Взять!

Дева-змея отчаянно забилась и закричала, но её вопли никого не тронули. Грубые руки схватили её, а тяжёлая, холодная цепь для пленения демонов мёртвой хваткой сдавила шею. Перед лицом безжалостных солдат её магия оказалась жалкой и никчёмной.

Её вскинули над землёй, точно взъерошенного цыплёнка; змеиный хвост беспомощно бился в воздухе.

Су Цзюгуй изо всех сил прикусил язык. Резкая боль и солоноватый вкус крови во рту помогли ему на мгновение прогнать липкую пелену сна.

Выхватив клинок, он рванулся вперёд, силясь перерубить цепь на шее пленницы, но колени подогнулись, а руки налились свинцовой тяжестью.

— Отпустите её...

Он пытался кричать, но горло словно забило сухой землёй, и наружу вырвался лишь жалкий хрип.

Один из воинов пренебрежительно махнул рукой, и Су Цзюгуя отшвырнуло прочь. Подобно увядшему осеннему листу, он врезался в противоположную стену, прямо на разложенные для сушки травы Хо Цин.

Он отчаянно пытался подняться, но не мог пошевелить даже пальцем.

Каратели не собирались убивать змейку на месте. Её ждала участь куда более страшная.

Дева-змея висела в железной хватке воина, заливаясь слезами, точно промокший под ливнем котёнок. Она повернула бледное лицо к распластанному на земле даосу и взмолилась:

— Пожалуйста... Отыщи её для меня...

— Я так по ней тоскую, — прошептала она.

Су Цзюгуй бессильно протянул к ней руку. Он жаждал вмешаться, но это были лишь призраки прошлого — застывшее эхо чужого несчастья, в котором он ничего не мог изменить.

Эта девочка давным-давно погибла, и сейчас он лишь заново переживал её предсмертную муку.

Тьма окончательно поглотила его взор, и Су Цзюгуй вновь погрузился в глубокий, беспробудный сон.

<http://bllate.org/book/18298/1755155>